

Opе 84
П 34

~~Opе 84~~
~~П 34~~

В. ПИСТОЛЕНКО

ТОВАРИЩИ

ЛЕТУС

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Оре 84
л 34

В. ПИСТОЛЕНКО

ТОВАРИЩИ

ПОВЕСТЬ

68142

Оренбургская областная
детская библиотека

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

По-разному шла жизнь ребят из повести «Товарищи» до их прихода в ремесленное училище. Здесь, в училище, они впервые встретились, здесь началась их дружба.

События происходят в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале.

У героев книги — Бориса Жутаева, Оли Писаренко, Сережи Рудаква, Васьки Мазая, Егора Бакланова — разные характеры, во многих случаях противоположное отношение к одним и тем же житейским вопросам. Это нередко вызывает между ними столкновения, серьезные конфликты, которые не скоро уйдут из памяти, а возможно, надолго оставят свои следы в жизни ребят.

Герои повести находятся в том возрасте, когда они уже не дети, но еще и не взрослые, когда появляются новые интересы, возникают новые отношения с окружающими, появляются ранее не изведанные чувства, по-взрослому осмысливаются поступки не только других, но и свои собственные и впервые возникает чувство большой гражданской ответственности и ответственности за них перед обществом.

Героическое время борьбы с фашизмом, труд на заводе, где ребята сами, наравне со взрослыми льют снаряды для фронта, воспитывают в подростках самостоятельность, стойкость и патриотизм.

О дальнейшей судьбе героев этой повести автор рассказывает в книге «У открытых дверей».

Дорогие читатели! Напишите, понравилась ли вам эта книга. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

*Переплет И. Ильинского
Рисунки В. Давыдова*

ПОСЫЛКА

В столовой третьего ремесленного училища обед подходил к концу. Многие ребята уже поели и только ожидали сигнала строиться. После обеда им предстояло идти в клуб училища на лекцию о международном положении, которую должен был читать неоднократно выступавший здесь фронтовик-майор; хотя он уже и выписался из госпиталя, но все еще тяжело прихрамывал и носил на перевязи перебинтованную левую руку.

Егор Бакланов охотно посещал лекции майора, так как лектор подробно излагал события на фронтах Отечественной войны и интересно рассказывал об отдельных военных операциях Советской Армии. Но сегодня Егор не собирался идти в клуб. Утром вручили ему извещение о посылке из дому, и он решил, пока идет лекция, сбежать на почту.

Это время было удобно Бакланову потому, что он надеялся вернуться в общежитие, когда товарищи по комнате будут еще в клубе, а ему именно это и было нужно, так как он совсем не хотел говорить ребятам о посылке. Егор отодвинул к середине стола пустую тарелку и, слегка облокотившись, задумался: какую бы найти причину, чтобы не становиться в строй?

Наконец раздалась команда:

— Строиться!

Огромный зал столовой мгновенно наполнился движением и шумом. Вместе с другими к выходу направился и Бакланов. Он не торопился, то и дело пропускал товарищей вперед и вошел в раздевалку последним.

Когда в очереди за пальто осталось всего лишь три человека, Бакланов вдруг отошел в сторону, сел на скамейку, быстро расшнуровал ботинок на правой ноге, один конец шнурка намотал на два пальца и резко дернул — шнурок оборвался. Егор вытащил второй обрывок шнурка из дырочек и начал оба куса связывать. Делал он это неторопливо, нарочито медленно, чтобы выиграть время и дожидаться, когда построившиеся товарищи отойдут от столовой.

Старший дежурный, приоткрыв дверь, окинул быстрым взглядом раздевалку и спросил Егора:

— Бакланов, почему вы не в строю? Что случилось?

— Шнурок вот у правого ботинка порвался, и ботинок прямо начисто рассупонился. Я шнурок налаживаю, товарищ дежурный. Сейчас вот свяжу, зашнурую — и все,

— Ну, налаживайте, а мы пойдем. Да только поскорее. В общем, догоняйте нас.

— А я прямо в клуб пойду. Можно?

— Можно и так. Но только постарайтесь к началу лекции не опоздать. Самому же будет неловко входить после начала.

— Разве я не понимаю? — обидчиво ответил Бакланов. — Очень даже понимаю и не опоздаю. Вот увидите. Я даже раньше вас буду в клубе.

— Ну хорошо, договорились!

— Как только управлюсь с ботинком, прямо с места в галоп поскачу.

— Галопировать, конечно, необязательно, но и медлить не следует.

Дежурный ушел.

Повозившись немного с ботинком, Бакланов тихонько подошел к окну и осторожно посмотрел, что там, на улице. Облегченно вздохнув, он торопливо, кое-как закончил шнуровку и выбежал из столовой.

Последние ряды колонны уже поворачивали за угол.

Стоял крепкий мороз. Резкий и порывистый ветер гнал по дороге колючую снежную пыль. Над городом низко нависло серое небо. Здания следующего квартала уже тонули во мгле, словно в тумане.

Бакланов остановился, раздумывая, в какую же сторону удариться, чтобы скорее попасть на почту, и решительно двинулся в противоположную той, где скрылась колонна учащихся.

Мороз сразу же начал щипать кончики ушей. Егор опустил отвороты ушанки и, чтобы под них не забирался ветер, завязал тесемки. Ушам стало теплее, но щеки обжигало. Начали мерзнуть ноги, и Бакланов зашагал быстрее.

Домой он возвращался с небольшим фанерным ящиком. Если по дороге на почту его подгонял мороз, то сейчас Егор почти не замечал холода и торопился потому, что хотел скорее добраться до общежития, пока там никого еще нет, и посмотреть, что же находится в ящике.

Наскоро стряхнув с ботинок снег, Егор вошел в слабо освещенный вестибюль. Ни души. Он поспешно свернул влево, в большой и светлый коридор. Сюда выходили три двери: актового зала — в училище все называли его клубом, — квартиры коменданта и комнаты номер двадцать три, где жил Бакланов.

Осторожно ступая мелкими шажками, на цыпочках Егор подошел к своей комнате, постоял, прислушиваясь, потом несмело взялся за дверную ручку и легонько потянул ее. Дверь не открывалась. Егор дернул посильнее — заперто. Значит, дома никого нет. Только об этом и мечтал Бакланов.

Радостно волнуясь, он достал из кармана заветный ключ и открыл дверь. Торопливо шмыгнул в комнату: стараясь не шуметь, осторожно прикрыл дверь и скова быстро запер на ключ. Даже не сняв шинели, он принялся за ящик.

Оторвав крышку, он прежде всего увидел сложенный вчетверо тетрадный листок и догадался: письмо! Присев к столу, Егор развернул лист и сразу же узнал знакомый почерк матери. Как и в прежних письмах, мать сначала рассказывала, о чем пишет из госпиталя отец, радовалась, что он поправляется, потом передавала поклоны от всех родственников и знакомых, затем сообщала важнейшие деревенские новости, а к концу писала, что очень соскучилась и видит Егора во сне почти каждую ночь. Называя сына самыми ласковыми именами — Горушкой, «сынкой», «зернышком», «орликом», — она просила его почаще писать отцу в госпиталь, также не забывать о ней и бабушке, беречь себя от простуды, стараться на работе, чтобы отца и всех домашних порадовать приятными вестями да и самому услышать от добрых людей хорошее слово.

Егор прочитал письмо и задумался. Ему стало грустно-грустно...

Но грустить было некогда. Вблизи комнаты послышались голоса. Егор вскочил с табуретки, сунул письмо в карман шинели, схватил ящик с посылкой, на цыпочках подбежал к двери, прислушался: не сюда ли идут. Но голоса стихли — видимо, разговаривавшие прошли в клуб или поднялись на второй этаж.

Мать не писала, что посылает в ящике. Егор начал торопливо извлекать из него содержимое и складывать на стол.

— Мешочек, — шептал он, — со сдобнушками; сала два куска. А это что завернуто? Чесночком отдает... А-а-а, колбаса! Домашняя. Банка с медом. Ну, вот и все...

Егор сунул нос в опустевший ящик, принюхался и отставил ящик в сторону. Осмотрев лежавшие перед ним вкусные вещи, Егор заколебался — с чего же начать. Хотелось съесть сдобнушку, намазав ее медом, но не меньше привлекала к себе вкусным запахом колбаса.

«Отведаю спервоначала колбасы», — решил он и отломил от румяного кольца добрый

ломоть. Тут он вспомнил, что нет хлеба, а одна колбаса без хлеба — это уже не еда. «Разве с кокуркой?» — подумал он и достал из мешочка сдобную пышку. Она оказалась очень вкусной, рассыпчатой, но сладкой. Есть чесноковую колбасу со сладкой сдобнушкой было не очень-то вкусно, но это — только сначала, потом сдобнушки уже не казались сладкими — хлеб как хлеб.

Покончив с куском колбасы, Егор хотел было приняться за мед, но, сообразив, что скоро закончится лекция и придут ребята, решил сложить продукты снова в ящик и отнести его к кастаньянше, у которой хранились личные вещи воспитанников.

«Сбегать бы узнать — открыт ли склад. А ящик пока засуну под кровать», — подумал он и принялся за дело.

Чтобы ящика не было видно из-под кровати, Егор опустил одеяло почти до самого пола, потом отошел в дальний угол, пристально оглядел конку и, довольный, шагнул к двери. Он уже хотел было всунуть в замочную скважину ключ, но в коридоре снова послышались голоса и шаги. Вот они ближе, ближе... Остановились у самой двери. Кто-то взялся за дверную ручку...

САМОДЕЛЬНЫЙ КЛЮЧ

Не успел Егор сообразить, кто бы это мог быть, как звякнул ключ, распахнулась дверь, и вслед за директором училища Иваном Захаровичем Колесовым в комнату вошли: мастер формовочного отделения Селезнев, секретарь комитета комсомола Батулин и комендант общежития Гушин. Не зная, что привело их сюда, Егор растерялся, и у него даже мелькнула мысль, что в клубе, наверно, заметили его отсутствие и директор решил сам выяснить, почему Бакланов не пришел на лекцию.

— Здравствуйте, — с трудом выдавил из себя Егор и потянул с головы ушанку.

— Здравствуйте, Бакланов, — ответил Иван Захарович. — Почему вы сидите дома? Да еще, как говорится, под семью замками.

— Я, товарищ директор... у меня, товарищ директор... — заторопился, сбиваясь, Егор.

— А вы не волнуйтесь, говорите спокойнее. Ну-ка, объясните нам, почему вы сидите за запертой дверью?.. Или что-нибудь с вами случилось? А?

— Ничего, товарищ директор, не случилось. Мне из дому посылку прислали, я и ходил получать ее.

— Получили?

— Получил, товарищ директор.

— Ну, коли так — поздравляю. А говорите: ничего не случилось. Получить письмо, а тем более посылку из дома — приятное событие. Мама прислала?

— Мать.

— А почему вы говорите «мать», а не «мама»?

Лицо Егора стало пунцовым.

— Да... так, товарищ директор.

— Понимаю, — слегка улыбнувшись, сказал Иван Захарович. — «Папа» и «мама» — так говорят только маленькие, а вы уже почти взрослый человек. Стыдновато, правда?

Егор тоже улыбнулся и кивнул головой.

— Правда, товарищ директор.

Лицо Ивана Захаровича стало серьезным и немного грустным. Он опустил руку на плечо Егора, наклонился, стараясь заглянуть ему в глаза, и не спеша заговорил:

— Значит, вы, Бакланов, думаете, что ласковыми могут быть с родителями только малыши. Правда?

Егор чуть заметно пожал плечами, не то соглашаясь с директором, не то возражая ему.

— Да... До обидного некрасиво получается у некоторых людей. Вот смотрите, как оно иногда в жизни бывает. Всем известно, что дети учатся говорить постепенно и любой

ребенок сначала произносит одно слово, потом другое, третье и так далее. А знаете, какое слово почти все дети произносят первым? Знаете, Бакланов?

Егор снова пожал плечами.

— «Мама»! Да-да, «мама»!

— Правильно, Иван Захарович, — поддержал Колесова Селезнев. — Я тоже это замечал — и на своих детях и теперь вот на внучатах. «Мама» — первое слово.

— Только так, Дмитрий Гордеевич. Конечно, бывают и исключения, но это частности, не о них я говорю. Так вот. Научился малыш произносить слово «мама», и, пока не вырос, пока он маленький и беззащитный, по всякому жизненному случаю — хочет ли пить или есть, спать или гулять, обидит ли кто-нибудь, — он произносил это магическое слово. На его зов появлялась мать, и все устраивалось как надо. Причем далеко не всегда для матери было легко устранять эти препятствия. Нет, чаще всего — наоборот...

— Вот-вот! И у моей дочери так же, — заговорил вдруг, прервав директора, Селезнев. — Заболел сынишка — воспаление легких, — так она неделю глаз не смыкала. Плохой был. Выходила. Зато сама, поверьте, как сухарь высохла, на себя не стала похожа...

Мастер внезапно замолчал. Собрал в горсть седую бороду, он отошел к тумбочке и начал просматривать лежавшие па ней книги. А Колесов продолжал развивать свою мысль:

— И я об этом же говорю. Немало бессонных ночей приходится матери проводить. Часто только благодаря материнскому самопожертвованию малыш остается жить. И вот он растет... Сын! Крепкий, красивый. Он уже сильнее ее. Она смотрит на пего и радуется — какого орла вырастила! Гордится им. Ей хочется пройтись с сыном по улице, чтобы люди порадовались, глядя на них. Но сын не только пройтись с ней стесняется, но даже назвать ее мамой стыдится. А ей больно это, обидно. Она не может понять: почему сыну стыдно назвать ее ласковым словом? Перед кем стыдно?.. Может, и вы стыдитесь, Бакланов?

Иван Захарович ожидал ответа, но Егор опустил глаза и молчал.

— А матери, мне думается, очень тяжело. Очень! — продолжал директор. Он снял руку с плеча Егора и уже другим тоном добавил: — Можете идти, Бакланов. Вы па лекцию?

— На лекцию.

— Теперь она уже скоро кончится. Но — ничего. Хоть часть услышите да ответы на вопросы. А вообще вы все лекции посещаете?

— А как же, товарищ директор! Ни одной не пропустил.

— Бакланов аккуратно ходит на лекции, — подтвердил Селезнев.

— Это хорошо. Ну, а все ли вам понятно, Бакланов, на этих лекциях? Время не пропадает зря?

— Я все понимаю, товарищ директор. Правда, не всегда, а вот когда лектор интересно рассказывает...

— Значит, бывают и непонятные лекции?

— Бывают, товарищ директор. Вот в прошлый раз лектор незнакомые слова какие-то... Ну и непонятно. Приходится догадываться. Что поймешь, а что и нет... У нас ребята любят лекции о международном положении... Это каждому интересно — про войну... Я никогда не пропускал, товарищ директор, вот только сегодня... По случаю посылки. А больше не будет. Можно идти?

— Идите. Да, кстати... Скажите, Бакланов, как вы попали в комнату и кто вас запер? Ведь ключ был у швейцара.

Этого вопроса Егор не ожидал и растерялся.

По правилам внутреннего распорядка в ремесленном училище, на каждую комнату в общежитии полагался один ключ, который должен был находиться или у дежурного коменданта, или у швейцара. Иметь собственные ключи воспитанникам запрещалось. Это правило обсуждали на групповых собраниях учащихся.

— Так что же вы молчите? — спросил Иван Захарович. — Может быть, комната оставалась незапертой? Вы вошли, а комендант не заметил этого и закрыл вас, как в мышеловке?

Конечно, подтвердить такое предположение было бы лучшим выходом для Егора, но ему не хотелось наговаривать на коменданта, который был обязан проверять после ухода ребят, заперты ли двери. Комендант всегда выполнял это очень добросовестно.

Егор взглянул на Гущина. Тот пытливо смотрел на Бакланова, ожидая ответа. Болезненно-бледное лицо коменданта было спокойно.

— Товарищ Гушин, вы проверяли двери?

— Да, Иван Захарович. Когда ребята ушли, двери во всех комнатах были заперты. У меня не было случая, чтобы позабыл, или еще что-нибудь...

— Но как Бакланов попал сюда без ключа?

— У меня... свой ключ, — тихо сказал Егор и протянул ключ директору. — Вот он.

Колесов взял ключ:

— Хороший! Чистая работа. Откуда он у вас?

— Самодельный.

— Кто смастерил?

— Сам.

— Вы же формовщик, а этот ключ, сразу видно, делал слесарь.

— Правильно, Иван Захарович, — подтвердил Гушин. — Конечно, слесарь.

— Нет, не слесарь, я сам сделал. Меня ребята научили слесарничать. Вы не думайте, товарищ директор, что кто-то виноват, я сам сделал. Вот честное слово!

— То, что вы интересуетесь и слесарным делом, похвально. Даже очень похвально. Правильно поступаете. В жизни все пригодится. Но сейчас дело не в этом, а в нарушении правил внутреннего распорядка, в нарушении дисциплины. Понимаете? Придется на вас, Бакланов, наложить взыскание... А у других ребят из вашей комнаты тоже есть ключи?

Бакланов растерялся еще больше и, слегка заикаясь, торопливо ответил:

— Нет, товарищ директор, ключ только у меня. А у... у ребят нет. Я вам точно говорю.

— Ни у кого?

— Ни у кого, товарищ директор.

— Но они знают о вашем ключе?

— Знают... Нет, нет... Не знают... Никто не знает, — отводя взгляд и запинаясь, заговорил Бакланов.

— Как же это получается, — спросил Селезнев, — живете в одной комнате, а друг о дружке не знаете?

— Я им просто не говорил, что у меня есть ключ. Никто не знает, товарищ мастер.

— Ну хорошо. Все понятно. Идите в клуб, — сказал Колесов.

РАЗГОВОР БЕЗ РЕБЯТ

Бакланов вышел. Директор повернулся к Селезневу:

— Дмитрий Гордеевич, Бакланов второй год в вашей группе. Вы, конечно, знаете его лучше, чем любой из нас. Так вот скажите, как по-вашему: правду он говорит или обманывает? Я имею в виду разговор о ключе. Я не верю, чтобы мальчики жили в одной комнате и не знали... Не верю. Похоже, что он лжет. А?

Селезнев не успел ответить.

— Эх, товарищ директор, — сказал Гушин, — ведь Бакланов из мазаевцев, а когда дело касается кого-нибудь из них — трудно разобраться, где правда. Ребята особые — одним словом: и верь и оглядывайся. Да, у них такая дружба, что один другого не подведет. Одним словом, круговая порука. Водой не разлить.

— Иван Захарович, разрешите мне, — вмешался в разговор Батурин.

До сих пор секретарь комитета комсомола молча стоял у окна, прислонившись к стене, и внимательно слушал, поглядывая то на одного, то на другого из собеседников. Был он высок, с широкими, богатырскими плечами. На его крупном, грубоватом лице черная

повязка закрывала правый глаз. Стройность и четкость движений выдавали в нем военного. Выглядел Батурич гораздо старше своего возраста: глядя на его седые виски, трудно было поверить, что ему недавно исполнилось всего лишь двадцать три. В училище все знали, что Григорий Иванович был на передовой, командовал стрелковым взводом, потом попал в госпиталь и, выйдя оттуда, пошел работать в ремесленное номер три.

— Я вот что думаю, товарищи. Уж если ключ появился даже у Бакланова, то как хотите, а ключи есть и у всех жильцов комнаты. Заводила в этом деле, конечно, не Бакланов.

— И мне так кажется, — подтвердил Колесов.

— Я уверен в этом. А Бакланов сейчас рассказал то, о чем договорились все четверо.

— Или что приказал говорить Мазай, — подсказал Гушин.

— Правильно, — согласился Батурич. — А вообще, мне кажется, эта восьмая группа должна стать предметом особого разговора.

— Это почему же? — удивился Селезнев. — Почему у вас такое настроение вдруг появилось, товарищ секретарь?

— Мнение о группе у меня сложилось не вдруг, а постепенно. Говорю откровенно — не нравится она мне.

— Аргумент убедительный, — с иронией сказал Селезнев. — А мне наоборот — нравится. И все. Да-да, нравится!

— Это всем давно известно. Вы всегда се хвалите, Дмитрич Гордеевич. А хвалить-то и не за что. Средненькая группа. А среднее, как вам известно, не образец. И не потолок.

— Верно, Григорий Иванович, — поддержал Колесов. — В группе недостатков — хоть отбавляй.

— Я всегда об этом говорю, да вот не все хотят слушать. А Дмитрич Гордеевич даже спокойно говорить на эту тему не может. Мне, например, дисциплина в группе не нравится.

— Дисциплина? Ну что ж... Правильно, бывают в группе мелкие нарушения, — согласился Селезнев. — Так тут опять же не вся группа виновата, а всего несколько человек — вот эти самые ребята, четверка, что живет здесь. Ну еще, может, три-четыре человека найдется. Зато в цеху они — орлы. Поищите таких — не скоро найдете!

— Согласен с вами, Дмитрич Гордеевич, — сказал Батурич. — Полностью согласен. Но если бы не они, эти самые ваши «орлы», совсем другой была бы и группа. Плохо они влияют на товарищей! И не только в своей группе. Берите гораздо шире.

— Как хотите, а всю группу винить нельзя. Нельзя! И никто мне не докажет.

Колесов меж тем не спеша обошел комнату, заглянул в тумбочки, под подушки, окинул взглядом все койки.

— Вы защищаете восьмую группу, Дмитрич Гордеевич, а посмотрите, что творится в этой комнате. Полный беспорядок! Кровати заправлены наспех, в тумбочках — вы только взгляните! — как на свалочной куче у Плюшкина. На столе крошки... вон в углу какие-то бумажки валяются. Чаще всего так выглядят комнаты новичков, только что пришедших в училище.

— Правильно, Иван Захарович, очень правильно, — снова поддержал директора Гушин. — Но среди новичков бывают и такие, что этим тянуться — не дотянутся.

— А вы горой встаете, Дмитрич Гордеевич... Защищаете.

— Вы напрасно на меня так, Иван Захарович. Я не защищаю. Я говорю о том, что есть. Вот вам кажется — мои ребята на новичков похожи: и неаккуратные и неорганизованные. А я не согласен! Да разве они такими были, когда пришли в училище? Узнать же нельзя, как они изменились. Конечно, никто не отрицает: мы не все еще сделали, у ребят есть недостатки, и сколько хотите.

Но ведь не все же сразу делается. Будем больше работать — меньше недостатков останется.

— Правильно, товарищ Селезнев, — согласился с ним Батурич. — Как говорится: время и труд все перетрут. —

Он хитровато улыбнулся и, чуть прищутив глаз, добавил — А защищаете своих орлов

вы прекрасно. Мне это даже нравится. Вот только беда, что немного через край.

— Григорий Иванович!.. — взмолился Селезнев.

Но Колесов не дал ему договорить:

— Давайте, товарищи, на эту тему побеседуем попозже. А сейчас возвратимся к цели нашего прихода. Здесь четыре койки: мне думается, еще одну можно поставить. Свободно. Семен Карпович, какова кубатура комнаты? Пятого можно вселить? — спросил он Гущина.

— Да тут, Иван Захарович, не в кубатуре дело... Кубатура подходящая для пятерых. И площадь пола тоже соответствует. А вселять сюда еще кого-нибудь я бы не советовал. Нельзя! Никак!

— Странно получается: кубатура соответствует, площадь пола тоже, а вселять нельзя. Ну-ка, точнее выскажите свои соображения: почему нельзя?

— Иван Захарович, да разве я возражаю? Вселяйте, если хотите, но... понимаете... пустая затея, ничего из нее не получится.

— Как — не получится? Почему не получится? — возмутился Колесов.

— Вы, Иван Захарович, — заговорил Батурич, — человек, можно сказать, новый еще в нашем училище и пока не знаете, как говорится, всей подноготной в жизни каждой группы. Так вот. В эту комнату шесть раз помещали пятого. Но каждого нового выживали. Ни один больше трех дней не вытерпел. Уходят. В другие комнаты переводятся. Проделки Мазая и вообще всей четверки. Они живут в этой комнате с тех пор, как впервые пришли в училище, и никого больше не принимают. Друзья-товарищи...

— Вот-вот! — обрадовался поддержке Гущин, —

Я об этом как раз и говорю: решить насчет вселения недолго — раз-два, и в дамках. А коснись на деле — ничего не получится. Так слова словами и останутся. Я заранее знаю.

Колесов пожал плечами:

— Мне такие разговоры кажутся странными и несолидными — «не получится»! Да как это так — «не получится»?! Получится так, как дело того требует, а не как кому-то хочется. Ведь разместить сергеевских ребят мы обязаны? Или вы по-другому думаете, Семен Карпович?

— Почему — по-другому? Думаю так, как и все думают. — Гущин неопределенно махнул рукой и вздохнул. — Ну что ж... давайте будем вселять.

— Только, мне думается, — сказал Селезнев, — паренька, которого наметим вселить сюда, нужно будет предупредить, что здесь его могут не совсем ласково принять. Кроме того, я еще и с Мазаем поговорю сегодня же. Нужно заранее подготовить группу — тогда все обойдется благополучно.

Колесов кивнул головой:

— Правильно. Поговорите.

— Иван Захарович, а вы не помните: комсомольцы среди сергеевских ребят есть? — спросил Батурич.

— Есть. А что?

— Вот и пошлем сюда комсомольца. Что вы на это скажете? Покрепче подберем парня и пошлем.

— Предложение верное, Иван Захарович, — согласился Селезнев. — Очень дельное. Вы, Григорий Иванович, хорошо придумали.

— Попытка — не пытка, — унылым голосом процедил Гущин.

Батурич рассмеялся.

— Если судить по скорбному тону, вы думаете примерно так: «Пустое затевает этот Батурич». Верно?

— И ничего не верно, — обиделся Гущин. — Я, например, тоже согласен. Следует в эту комнату и вообще в подгруппу Мазая ввести комсомольцев. А что дальше получится — увидим.

— В общем — договорились.

Колесов отметил в записной книжке и предложил:

— Пойдемте, товарищи, в другие комнаты.

КАРТИНЫ ПРОШЛОГО

Выйдя в коридор, Бакланов опрометью бросился в раздевалку, на ходу стащил с себя шинель, торопливо передал ее гардеробщице, получил номерок и почти бегом помчался в клуб. Он знал, что директор долго не задержится в комнате и может снова повстречаться. Сейчас разговор как будто закончился благополучно. Бакланов был рад такому исходу и теперь боялся, как бы при новой встрече Иван Захарович опять не заговорил о ключе. И, лишь потянув на себя ручку клубной двери, Егор успокоился.

«Клуб», по существу, был только зрительным залом человек на пятьсот, небольшую часть которого занимала сцена.

Бакланов приоткрыл дверь и с трудом втиснулся в зал — так он был переполнен. Егор решил пробраться чуть-чуть в сторону и встать позади всех, чтобы никто из товарищей не заметил его.

Прислонившись к задней стене, Бакланов неподвижно стоял и делал вид, что очень внимательно слушает лектора.

На первый взгляд могло показаться, что он весь захвачен этим и больше ничто его не интересует, но глаза Егора говорили о другом: они были какие-то бессмысленные, ничего не выражающие, словно подернутые дымкой и оттого будто незрячие.

В такое состояние обычно впадает человек, который, и сам того не замечая, ушел мыслями в прошлое, задумался так глубоко, что не обращает уже внимания ни на события, происходящие рядом, ни на людей, окружающих его

Стоит он с открытыми глазами, а ничего не видит, кроме знакомых и дорогих картин из далекого прошлого. В таком состоянии находился и Бакланов.

Не посылка, конечно, а письмо матери, ее слова о том, что соскучилась, вызвали у Егора воспоминание о доме. Ему, как никогда, захотелось увидеть мать, услышать ее голос, поговорить с ней. Слова Ивана Захаровича о ласковом обращении с родителями глубоко взволновали Егора. Он почувствовал себя виноватым перед матерью и теперь думал о том, что, если бы вот сейчас попал домой, обязательно взял бы ее за руку, вышел бы на середину улицы и прошел бы через всю Платовку, не выпуская материнской руки из своей. А если бы увидели ребята и начали смеяться: мол, ты бы еще за мамкину юбку уцепился, он нашел бы, что им сказать, и они бы поняли, что смеяться здесь не над чем.

Думая так, Егор почти ощущал в своей руке шершавую, всю в узловатых мозолях, но всегда теплую и ласковую руку матери.

Картины прошлой жизни, когда Егор жил еще в селе, одна другой ярче вставали в его воображении. То ему виделось, как вместе со своими сельскими друзьями Максимом Ивкиным да Сережкой Тюпакиным он мчит на лыжах с крутого Лысого холма к речке Самарке и прыгает с ее обрывистого берега прямо па лед. А берег у Сам арки высокий: прыгнешь, полетишь вниз — дух захватывает и сердце холодеет, от страха глаза сами закрываются...

И хочется закричать, но внизу — прыгнувшие раньше Максим и Сережка; они хохочут, стряхивая друг с друга снег...

То вдруг Егор видел себя в бригадной конюшне возле дедушки Кузьмы

Дедушка Кузьма много лет работал в колхозе старшим конюхом, и Егор привык по нескольку раз в день проводить его. У деда научился он отличать хорошую лошадь от плохой, узнавать по малозаметным признакам нрав любого коня...

...Душный июльский день окончился. Жара схлынула. Вечереет. Егор играет с воронным баловнем-стригунком. Жеребенок то подпустит к себе Егора, то вдруг взвизгнет, взбрыкнет, вильнет пушистым хвостом и припустится по двору, да все в галоп. Хохоча, Егор гоняется за ним, хочет поймать озорника. Из конюшни выходит дедушка Кузьма:

— Егорка, а ну, хватит тебе гонять за жеребчиком!
— Я вот только поймаю... носится как угорелый.
— И совсем ни к чему это. На то он и жеребенок, чтоб носиться. Пускай бегаёт — резвей будет.
— Он играть хочет.
— Ну и пускай играет себе на доброе здоровье. А ты давай отгони коней на луг. Погонишь?
— Погоню. Только скричу Максима и Сережку.
— Иди, да поскорее. Подседлать?
— Нет, так поедем. Без седла удобнее.
— Ну, ну. Было бы сказано. Ступай.
Егор возвращается с Максимом и Сережкой, и дедушка Кузьма спрашивает:
— Кто на каком коне поедет?
— Я на Прибое! — кричит Егор.
— А мне Дикарку дайте. Дадите? — горячится Максим.
— Да. Молодец ты, Максим: самую характерную лошадь выбрал. Не трус. А вот ты, Егорка, все за хвост Прибоя хватаешься, как за мамкину юбку.
— Прибой — он тоже резвый, — вступает за приятеля Максим. — Знаете, как он бегаёт? Как ветер. Не верите? Он может даже Дикарку обогнать. Не верите, да?
— Знаю, какая лошадь как бегаёт, нечего мне доказывать. На Прибое сидеть спокойно — покачивает, как в люльке. Это верно. Ну, а тебе, Сергей, какую? Опять «какую дадите»?
— Ага.
— Не любишь ты, Сережка, коней. Нет у тебя к ним душевного желания.
— Вот и неправда, дедушка Кузьма! Люблю.
— Ну ладно. Не будем спорить. Слыхали, как говорят: полюбил волк кобылу — оставил хвост да гриву. Всяк по-своему любит. Езжайте. Там костерик разведите. Я попозже подъеду, — картошку печь будем.
Ворота открыты. Небольшой табун коней мчится по колхозной улице, поднимая густые облака желтоватой пыли.
Вот табун свертывает на луг, и лошади, пощипывая сочную траву, идут тише.
— Запевай! — командует Максим.
Егор, вдохнув побольше воздуха, поёт звонким голосом:

В степи под Херсоном высокие травы,
В степи под Херсоном курган...

И слаженно, втроем, заканчивают куплет:
Лежит под курганом, заросшим бурьяном,
Матрос Железняк — партизан...

...Виделась Егору и гармонь, его гармонь, хотя и не новая, не совсем исправная, но очень послушная. Много раз доводилось ему играть на ней то для своих товарищей в школе, то в сельском клубе для молодежи и даже на свадьбах, куда приглашали его с большим почётом, как взрослого. И он никогда не подводил — играл все песни и танцы, которые то и дело заказывали ему приглашенные на свадьбу.

ВАСЬКА МАЗАЙ

Лекция окончилась. Ребята, толкаясь и обгоняя друг друга, заспешили к выходу. Подхваченный общим потоком, Бакланов все еще продолжал оставаться во власти воспоминаний о доме. Ему так ясно представилась игра на гармошке, что совсем рядом

почудились знакомые звуки.

Вдруг он окинул взглядом зал, битком набитый учениками, и представил себе, что там вот, на сцене, только что был не лектор, а он, Егор Бакланов, со своей двухрядкой и это ему аплодировали ребята, уговаривая сыграть еще.

Но это — только мечта. Егор вздохнул. «А и вправду было бы здорово выйти на сцену с ремнем через плечо, с гармошкой в руках и рвануть по всем планкам, — подумал он. — Наверняка все сидели бы с открытыми ртами, а я им одну хлеще другой закатывал бы. В группе то и дело подкальвают: в учебе отстаешь, да и в цехе тоже. А ну пускай тут вот попробовали бы укусить! Гармонистов-то не только в группе — во всем училище нет. Я один! Сыграть бы хорошо — пожалуй, не только ребята глаза вытаращат, а, чего доброго, сам Иван Захарович приветствовать будет да еще и за ручку поздоровается. Эх, дурак — не взял сюда гармошки! Побоялся, что ребята испортят. Надо будет написать мамке, пускай пришлет».

Далеко впереди, среди ребят, Егор заметил Ваську Мазая. Настроение сразу же изменилось. Лицо у Егора погрузнело, и даже желание выступить перед всеми с гармошкой пропало. На душе почему-то стало тревожно, захотелось незаметно выскользнуть из клуба, чтобы не встречаться с Мазаем. Сейчас он уже не раскаивался, что не привез гармошку. «Только привези — он мне совсем жизни не даст: либо самому велит играть, либо заставит его учить. Чего доброго, и ночью не заснешь — не даст», — подумал он о Мазае.

Выйдя из клуба, Егор хотел было пойти к кастелянше, но его кто-то дернул за рукав. Егор обернулся — это был Васька Мазай.

Мазай был невысок ростом, но плотный, коренастый. Волосы у него были черные, лицо смуглое, из-под широких черных бровей сверлили собеседника быстрые, выразительные глаза. Ходил Мазай, раскачиваясь из стороны в сторону, глядел на всех вприщурку, будто внимательно всматривался. Руки, сплошь покрытые татуировкой, он обычно или держал за спиной, или глубоко засовывал в карманы штанов. Чего только не было изображено на Васькиных руках! И собственное имя — «Вася», и спасательный круг, и два якоря, и лодка среди волн, и многое другое, что не сразу можно было разобрать, но очевидным оставалось одно: все «наколки» сделаны на морскую тему. И это имело свою причину: отец Мазая служил в Черноморском флоте и был старшиной второй статьи. Васька гордился отцом и не пропускал случая похвастаться, что-де похож на него, как говорится, капля в каплю. Сам Васька тоже мечтал стать моряком. Правда, не матросом и даже не старшиной, как отец, а капитаном, да не на речном или каботажном судне, а капитаном дальнего плавания. К этому Васька сейчас и готовился: он усиленно следил за своим внешним видом и делал все, чтобы казаться похожим на моряка. Он даже носил морскую полосатую тельняшку и частенько, когда вблизи не было работников училища, расстегивал ворот гимнастерки и раскрывал его так, чтобы была видна «душа морская», как называл он тельняшку.

Сейчас ворот у Васьки, конечно, был застегнут, но якорь на тыльной стороне ладони выдавал его пристрастие к морю. Мазай пристально, с чуть заметной усмешкой смотрел на Егора:

— Ты, Бакланчик?

— Я. А что, не узнал? — с досадой протянул Егор.

— Как не узнал... Такую неписаную красоту за сто морских миль узнать можно. Гут, брат, никакой ошибки не получится: один ты у нас такой розовый да пухленький, словно кок на пассажирском пароходе.

— Какой есть, такой и есть. И нечего...

— А что — думаешь, не похож? Клянусь! Только белой шапочки не хватает. Не веришь? Вот давай соорудим тебе поварскую шапку из полотенца да у ребят спросим — все скажут: как две капли воды. Ручаюсь. Давай?

Егор ничего не ответил и с опаской взглянул на Мазая.

— Не бойся, я шучу. Разве я стану подводить друга! За друга я знаешь что могу любому устроить?... Не знаешь? Век будет помнить! Даю слово... Ты где сидел?

— А я не сидел. Стоял у стенки, сзади. Места не захватил.

— Понятно. А я оглянулся раз-другой — не видно тебя. Подумал, что вовсе на лекцию не пришел, а где-нибудь к другому пирсу причалил. И такое меня зло взяло, что, кажется, растерзать тебя мог! Не прийти на лекцию — это же почти прогул! Всей группе затрещина! Сижу, слушаю лектора, а сам, как подумаю про тебя, — рычать начинаю. Как пес. Из-за тебя, можно сказать, всю лекцию мимо ушей пропустил. Понял?

— А чего ты мне начитываешь? Был я на лекции? Был. И нечего! — возмутился Бакланов.

— А я авансом воспитываю тебя, Бакланчик, чтоб в дальнейшем плыл по нужному курсу. Как требуется. Сбиться-то в сторону совсем недолго.

Вдруг Бакланов чуть заметно подмигнул Мазаю и тихонько сказал:

— Идем-ка в сторону.

— Может, драться хочешь? — пошутил Мазай, но, заметив на лице Бакланова тревогу, молча пошел за ним.

Они остановились в углу коридора, возле своей двери.

— Директор отобрал у меня ключ, — невеселым голосом чуть слышно сказал Бакланов.

Эти слова произвели на Мазая магическое действие. Куда девалась его «морская» осанка и неприступный вид! Он широко раскрыл глаза, рванулся к Бакланову и, крепко схватив его за руку, со всей силой сжал ее:

— Врешь?!

— Нужда была врать! Директор еще похвалил — говорит: хорошо сделан.

— Эх, ты! Значит, затонула плоскодонка дырявая.

— А плоскодонка не тонет, даже дырявая может плавать. И плавает. У нас в колхозе есть...

— Не тонет, так людей топит!

— А я что, разве утопил кого? Не знаешь — и не говори.

— Ну, Баклан, ты давай не фырчи! Оратор какой нашелся. Рассказывай все, как было.

Бакланов подробно описал свою встречу с директором, умолчав лишь о посылке. Мазай остался доволен, что Бакланов всю вину взял на себя и не выдал товарищей. Он даже шлепнул Егора по спине, что означало у него высший предел доброжелательности:

— Молодец, Бакланчик! Просто даже поверить трудно, что ты такой героический парень... — Вдруг лицо Васьки стало строгим, а глаза пытливо уставились на Егора. — А каким ветром тебя в комнату занесло? Все на лекцию, а он в комнату поплыл. А? Потому я и говорю, что не видел тебя на лекции. Выходит, ты пришел в клуб к шапочному разбору? Дисциплинка у тебя — что надо! Видать, на черную доску захотелось.

Бакланов был готов к такому вопросу. Зная, что грозит посылке, если Мазай проведает про нее, Егор спокойно, даже немного безразлично ответил:

— Я за порошком забегал. От головы. С утра болит. То в один висок стукнет, то в другой. Когда голова разболится, не до лекции. — И для большей убедительности еще приврал: — Я только высыпал порошок на язык, а они входят. Увидели, что я за делом, и никто ругать не стал. Вот как... Мастер сказал: если голова не пройдет, нужно к врачу сходить, чтобы лекарство дал и освобождение. Ну, а я отказался. И так, мол, пройдет. И прошло. Может, минут десять еще поболела после порошка, и все.

Егор разговаривал с Мазаем, а сам мучительно думал, как бы избавиться от него. Он понимал, что это не так легко, и решил перехитрить Ваську.

— Ты куда сейчас пойдешь? — спросил он.

— Как «куда»? На консультацию. А ты забыл?

— Я в читальню пойду.

— Брось выдумывать! Идем на консультацию.

— Нечего мне там делать сегодня, а в читальню — вот как нужно.

— Зачем?

— Книгу возьму. По литейному делу.

— А я говорю — давай па консультацию! И разговор окончен. Дисциплина! Понятно? В моей группе ие должно быть никаких прогулов. Ясно?

— Так незачем же мне сегодня...

— Ну и наплевать, что незачем, а ты иди. Вреда все равно не получится. А по правде сказать: думаешь, мне самому охота ходить на всякие там консультации? Как бы не так! Терпеть их не могу. Цех — все отдам за него, а уроки да консультации — просто жить мешают. Я бы сам и носа туда не показывал — нельзя, дисциплина требует. А как же! В расписании консультация? Консультация. Ну, и плыви туда, нечего по сторонам оглядываться. А то, пожалуй, опять голова заболит. Пошли. Ну?!

И Бакланов пошел, охваченный тревогой за судьбу стоящей под койкой посылки. Но делать нечего: не подчиниться Ваське он не мог — такого Мазай никому не простит.

На третьем этаже, почти у двери своего класса, они увидели юношу и девушку. Юноша, чуть подавшись к своей собеседнице, что-то ей оживленно доказывал. Он быстро и размашисто жестикулировал, покачивал головой, пожимал плечами — в общем, весь был в движении. Девушка молча слушала его, чуть прикусив губу, и строго смотрела себе под ноги. Заметив на лестнице Мазая и Бакланова, она негромко сказала:

— Ладно. Отпрошусь.

— Правильно, Оленька! — почти крикнул юноша, прицелкнул пальцами, стремительно повернулся на каблуке, помчался по лестнице, крикнул на ходу Мазая: — Привет, тезка! — и исчез где-то внизу.

Мазай подошел к девушке.

— О чем тут напевал Васька Жабин? — спросил он.

— Так, ни о чем. Просто говорили.

— Брось, Ольга! Я сам видел, как он ломался, словно сдобный пряник. Одесский дергун.

— Ну и хорошо, если видел. Подумаешь, важность какая! Вот что, товарищ староста: я на консультацию не пойду.

— Брось, Писаренко, выдумывать.

— И не собираюсь. У меня пятерка по спецтехнологии. Неясных вопросов нет. Вот и все. Мне нужно в город сходить.

— Зачем?

— Тебе знать необязательно. В общем, за «надом», — хитровато улыбаясь, ответила Оля и добавила: — В кино. Вот.

— В кино?! — удивился Мазай и помрачнел. — Не отпускаю. Никого не отпускаю. Понятно? Пошли на консультацию.

— Понятно. Только на этот раз не выйдет по-вашему, товарищ староста. Я к мастеру пойду. — И Олины каблочки застучали вниз по лестнице.

Едва Мазай и Бакланов вошли в классную комнату, ребята закричали наперебой:

— Мазай, к мастеру!

— Дмитрий Гордеевич велел тебе в преподавательскую прийти!

— Иди скорее, он ждет!

— А не сказал — зачем? — нарочито безразличным тоном осведомился Васька.

— Говорит, что срочно нужно.

Мазай недовольно взглянул на Егора и прошипел:

— Наверно, гонять из-за твоего ключа будет. Руки бы тебе оторвать, чтоб не отпирал дверь в неположенное время! И голову отвинтить — пускай не болит, когда не просят. Жизни никакой из-за вас не стало! Вчера директор больше часа начитывал — думал, и ног не унесу, третьего дня — Батурич. Погодите, возьмусь я за вас... —

Уже от двери он крикнул:

— Эй, друзья, до конца консультации на ужин не уходите! Чтоб пи один не отлучался. Всем понятно?

У МАСТЕРА

В преподавательской комнате Селезнев был один. В ожидании Мазая он выписывал из классного журнала в свои блокнот отметки, полученные ребятами группы за день.

Работа подвигалась медленно: мастер то и дело задумывался, перелистывал журнал почти до конца и возвращался назад. Время от времени он поднимался из-за стола, теребя кончик бороды, делал несколько шагов по комнате и опять садился за журнал.

Селезнев был взволнован и не мог сосредоточиться. Упрек Колесова и Батурина в том, что он чрезмерно защищает своих ребят и почти не обращает внимания на их недостатки, не давал мастеру покоя. Пробегая глазами список учащихся группы, он подолгу задерживался над каждой фамилией. Список был для него не просто перечнем фамилий — за каждой из них — он всегда видел лица своих учеников. Селезнев придирчиво присматривался к этим лицам, стараясь увидеть в них то, чего не замечал раньше, но что видели и о чем говорили другие.

Нет, хорошие ребята в его группе! Очень хорошие. Пусть как угодно их охаивают, но от этого хуже они не станут. Правда, много шаловливых. А кто в свое время не шалил? Пройдет детство — шаловливая пора, а с ним и желание пошалить. Всему свое время. Вот с грубостями похуже. Грубят друг другу, а иной раз и преподавателям. Это, конечно, плохо, сюда нужно будет направить все внимание. Грубость изжить — первое дело. Драки случаются. Правда, не часто, но бывают. Тоже тревожный сигнал. Хотя, кто же проживет свои мальчишеские годы, чтобы с кем-нибудь не подраться? Вряд ли найдется такой. А потом, драки мальчишек — особая статья: не успеешь отругать драчунов, а они уже снова закадычные друзья. Позабыли все, будто и не дрались. Вот и суди тут как хочешь. Но, конечно, спорить нечего: лучше, если драк поменьше.

«Писаренко Ольга», — прочитал мастер очередную в списке фамилию. Лицо его сразу подобрело, под усами появилась улыбка.

— Славная девчонка, — прошептал он, одобрительно покачал головой и вздохнул. — Сирота. Радоваться бы родителям, да не вернешь их.

Следующая фамилия — Рудаков Сергей.

— Тоже хороший паренек. Не боится работы. За все хватается с охотой, И по учебе нельзя сказать, чтобы был из последних...

В полуоткрытой двери показалась голова Оли Писаренко.

— Товарищ мастер, можно к вам?

Улыбка сбежала с лица Селезнева, но глаза из-под нависших бровей посмотрели на ученицу ласково:

— Входи, Писаренко, входи!

Оля нерешительно подошла к столу.

— Ну, говори, Оля, я слушаю.

— Товарищ мастер, отпустите меня в город ненадолго. Всего на два часа. Я у Мазая спрашивалась, да он не пустил — на консультацию гонит. По спецтехнологии. А мне и делать нечего на консультации. Вопросов у меня нет, и так все понятно.

— В город, говоришь? — Мастер взял журнал и начал его перелистывать. — Отметки у тебя хорошие. Четверки.

— И пятерки есть, товарищ мастер. По спецтехнологии...

— И пятерки есть... Только маловато.

— А уроки у меня уже почти все выучены. Пустите, товарищ мастер! Я давно у вас не отпрашивалась.

— Пустить, конечно, можно, особенно если уроки уже выучены.

— Я же и говорю — почти все выучены...

— Это хорошо... Ну, а зачем тебе понадобилось в город?

Оля чуть закусила губу и не ответила. Селезнев удивился:

— Что, секрет?

— Нет... В кино.

— В кино? А что смотреть?

— «Партизаны».

— Хорошая картина. С подружками?

— Нет, не с подружками. С одним мальчишкой. Он наш ученик, из токарного. Жабин его фамилия. У него сестра в «Октябре» работает контролером и достала пропуск.

— А-а-а! Ну, иди.

— Спасибо, товарищ мастер! — весело поблагодарила Оля и торопливо шагнула к двери.

— Писаренко!

Оля обернулась. Мастер стоял у стола и строго смотрел на нее поверх очков.

— Сегодня сильный мороз. Смотри не модничай: обязательно шарфом обмотай горло, а то ангину недолго схватить. И уши у шапки опусти. Обязательно!

— Слушаюсь, товарищ мастер, — в тон ему ответила Оля.

— А Жабин зайдет за тобой? Или как вы условились?

— Нет, не зайдет. Прямо у кино встретимся. Он будет там ждать у входа.

Селезнев помолчал.

— Вот что, Писаренко. Назначать друзьям-товарищам встречи у кино, в саду или где-то на улице — нехорошо. Если кто хочет повидать товарища, а особенно подругу, пусть спросит разрешения, заранее договорится и зайдет к ней домой. Вот как надо. Потом вот еще что... — Селезнев начал быстро перелистывать журнал, словно искал между листами нужные слова. — В общем, Жабина я заметил. Рыженький такой, вертлявый... Что-то мне он не по душе... Одним словом, когда будешь подходить к кино, внимательно присмотришься: если он не ждет, проходи мимо, не останавливайся. И домой. Попятно?

— Понятно, товарищ мастер.

— То-то. Девчонке нехорошо ждать. Особенно если не знаешь как следует человека.

— А почему?

— Все потому! — неожиданно сердитым тоном ответил мастер. — Самой немножко думать надо. И понимать. Не маленькая... Иди, Писаренко.

Немного удивленная, не совсем понимая, за что же осерчал мастер, Оля вышла.

А Селезнев снял очки, резким движением отодвинул журнал и заходил по комнате. Оля, конечно, не могла догадаться, что мастер рассердился не на нее, а на себя.

«По таким вопросам, — рассуждал он сам с собой, — должна бы говорить с девчонкой мать... А матери-то и нет. И отца нет. Значит, это моя обязанность. А у меня, черт возьми, как назло, и слова какие-то горбатые, одно к другому не приставишь».

В дверь постучали:

— Можно войти?

— Входите, входите, — овладевая собой, ответил Селезнев.

Услышав голос Мазая, он невольно отметил про себя: «Молодец! Ведь не вломился без разрешения, а постучал в дверь, да еще попросил позволения, хоть и пришел по вызову. А разве год назад он был таким? Да ему ничего не стоило подойти к старику и сказать: «А ну-ка, дай прикурить». Даже в классе плевал на пол, толкал на улице прохожих, отнимал у незнакомых мальчишек коньки да забрасывал их через забор. А сколько было драк! И разговаривать без грубостей не умел... Нет, Иван Захарович не знает, каким был Мазай, а то бы не так заговорил».

Мазай развязной походкой подошел к столу:

— Вы вызывали меня, товарищ мастер?

— Вызывал.

— Каждый день кто-нибудь вызывает. Ребята уже смеются надо мной: без тебя, говорят, Мазай, начальство скучает. Я думал, что сегодня без вызова обойдется. Не вышло.

Мазай взял у стены стул, придвинул к столу и сел, удобно привалившись к спинке.

Мастеру не понравилось, что Мазай не ждал приглашения сесть. Он ясно вспомнил, что Мазай каждый раз, входя в кабинет, ведет себя так же. Брови Селезнева недовольно сдвинулись. «Почему же я раньше этого не замечал? Или не обращал внимания?» — подумал он.

— Товарищ мастер, а я догадываюсь, зачем вы меня вызвали. Даю слово, догадываюсь.

— Не думаю, — сдержанно ответил мастер.

— Насчет Бакланова.

— А что с ним?

Мазай чуть прищурил правый глаз и шутливо погрозил пальцем:

— Ох, и хитрый вы, товарищ мастер! А ключ у него отобрали?

— Отобрали.

— Ну вот. Только вы, товарищ мастер, если вызвали меня насчет ключа, то напрасно беспокоитесь. Я как только узнал, в один момент провернул все, что нужно.

Панибратский тон Мазая становился Селезневу все неприятнее и начал раздражать.

«А ведь Мазай всегда разговаривает со мной да и со всеми старшими только так. И признака уважения нет. Наоборот, в его тоне что-то нахальное, наглое — одним словом, неприятное. Но почему же я раньше мог спокойно относиться к этому?» — подумал Селезнев и спросил:

— Что же вы сделали?

— С Баклановым потолковал как следует. Он дал мне честное слово... знаете, товарищ мастер, просто поклялся, что своего ключа у него больше не будет. Никогда. Я и то думаю: зачем ему ключ понадобился? Ни у кого нет, а у него ключ.

Селезнев достал из кармана ключ Бакланова и спросил:

— Скажите, Мазай, кто сделал этот ключ?

— Он сам, Бакланов.

— Значит, он хороший слесарь? А ну, дайте ваш ключ.

Мазай опустил руку в карман и вдруг понял, что этот жест выдал его с поличным: он, как глупая рыбка на приманку, «клюнул» на неожиданный вопрос.

— А у меня нет, — спохватился он и, словно обжегшись, выхватил руку из кармана.

— Василий Мазай, — спокойно сказал Селезнев, — дайте ваш ключ. Ну? Я жду. Или вам нужно, чтобы мастер дважды повторял свое распоряжение?

Мазай понял, что упорствовать дальше бесполезно.

Молча достал из кармана ключ и нехотя протянул его мастеру.

— Положите на стол.

Селезнев прошелся по комнате и остановился против Мазая, глядя на него в упор из-под нахмуренных бровей.

— Василий Мазай, о вас я думал лучше. Гораздо лучше... Оказывается, вы можете лгать, да еще глядя человеку в глаза.

— Но, товарищ мастер, этот ключ...

— Замолчите! И не пытайтесь оправдываться. Ложь ничем нельзя оправдать. Запомните, Мазай, на всю жизнь: человеку солгавшему, человеку, способному на ложь, люди не верят. И правильно делают: такой человек не имеет чести. Ясно? А что такое человек без чести? Вы знаете, Мазай? Это чужак, вреднейший элемент. Вы понимаете меня? Или нет?

— Понимаю... Но, товарищ мастер, у меня дело-то совсем пустячное, простой ключ... И все! Ключ...

— Дело не в ключе. Сам факт говорит за себя — вы солгали... Позорный факт. Человек, обманувший сегодня на малом, завтра может обмануть на большом. Совесть надо не забывать, честь свою беречь! И пока оставим этот разговор. Сегодня соберите, а завтра утром сдайте швейцару ключи всех ваших товарищей.

— Товарищ мастер...

Селезнев пристально посмотрел на Мазая:

— Может, и у них нет?

Мазай отвел взгляд в сторону.

— Есть, товарищ мастер. Завтра сдам.

По всему виду Мазая, по спокойному тону его голоса Селезнев понял, что не дошли его слова до сознания Мазая.

— Надо было самому догадаться. Так. А теперь послушайте, зачем я вас вызвал. К нам переводят несколько ребят из Сергеевки. Трое зачислены в восьмую группу. Остальные шесть — в девятую. Так вот, одного паренька поместим в вашу комнату.

— В нашу? Тесно же будет!

— В тесноте, да не в обиде. А если правду сказать, так никакой тесноты у вас и нет... Так вот что, Василий Мазай: вы староста в восьмой группе, староста в своей комнате, — проследите за тем, чтобы новых ваших товарищей приняли по-хорошему. Это мое вам особое поручение. Очень важное. И я хочу, чтобы вы поняли это. Как думаете, справитесь с заданием?

— Да я что? Как ребята. Ну, конечно, если ваше приказание, то в обиду новичков не дам. Уж тут будьте уверены, товарищ мастер: подкручу гайку до отказа. Вот только в комнату к нам не вселяли бы... Мы привыкли вчетвером...

— Обязательно вселим. Иначе нельзя... И вы напрасно пытаетесь возражать. Надо думать не только о себе... А теперь я хочу поговорить с вами насчет этих самых «гаек», которые вы любите «подкручивать». С умом надо все делать. Вы знаете, если гайку подвинчивать без толку, можно резьбу сорвать или болт свернуть.

— Ну что ж, я понимаю, товарищ мастер.

— Понимать мало — надо делать. О людях судят по поступкам... Вот была у меня сейчас Писаренко...

— Вы ее пустили в город?

— Отпустил. Оказывается, Мазай, вы всех гоняете на консультации. А зря. Пусть идут те, кому нужно. Остальные могут заниматься другими делами. А вы всех под одну гребенку. Надо понимать людей и самому быть человеком, а не бюрократом.

В КИНО

Хотя мастер и отпустил Олю в кино, она поняла, что сделал он это неохотно. Значит, был против и просто пошел ей на уступку. Шагая по темной вьюжной улице, Оля раздумывала, почему мастер был против и почему не поговорил с ней откровенно. Она давно заметила и уже привыкла к тому, что Селезнев хорошо относится к ней — во всяком случае, лучше, чем ко многим другим ребятам. Мастер всегда охотно беседовал с ней, расспрашивал, как ей живется... Оля частенько и сама обращалась к нему и всегда встречала готовность мастера помочь советом. Каждый его совет она принимала безоговорочно, хотя и не без того, чтобы иногда для видимости не покапризничать.

Нелестный отзыв Селезнева о Жабине смутил Олю. Почему мастеру не нравится Жабин? Почему? Ответа не находилось... Не вернуться ли назад? Прийти к мастеру и сказать: передумала. Бывает в училище кино, и хватит. Мастер, конечно, похвалит. Ну, а как Жабин? Он будет ждать. Обидеться человек может: дала слово — и обманула, не пришла. Обманывать очень плохо, хуже ничего не бывает. А Жабин, хотя и не нравится Дмитрию Гордеевичу, — ничего парень. Веселый, балагур, с ним никогда не скучно. И говорит он очень интересно, как никто в училище не говорит: по-одесски. И потом, он же свой, из одного училища. Не только сам не обидит, а может даже заступиться, если чужие мальчишки задирать начнут. Нет, подводить Жабина не стоит.

Оля свернула на Советскую улицу. Кино «Октябрь» было совсем рядом. Несмотря на мороз и вьюгу, у освещенного входа в кино стояла группа ребят. В центре их невысокий паренек, как и все обсыпанный снегом, что-то рассказывал, забавно жестикулируя, а

слушатели безудержно хохотали.

В рассказчике Оля сразу же узнала Жабина. Она решила пройти мимо ребят, не сбавляя шага, и, если Жабин не заметит, свернуть за угол, а там — домой. И никакого кино! Но Жабин увидел Олю и, растолкав ребят, побежал к ней.

— Оленька! — закричал он во весь голос. — Вы же ничего себе не представляете, как я вас жду! Прямо все глаза насквозь просмотрел, и нигде ничего похожего на вас. Только холод и мрак кругом.

Жабин хотел взять Олю под руку, но она отстранилась:

— Не надо. Не люблю.

— Если «не люблю», то пусть будет «не люблю», — согласился он и вдруг всплеснул руками. — Оленька, а вы знаете, сколько на вас снегу?! Больше, чем на всей Советской улице. Клянусь! — Он сорвал с головы шапку и начал ею стряхивать снег с Олиной шинели.

— Вася! Вы что?! Наденьте шапку — простудитесь, — отбиваясь, уговаривала Оля.

— Не простужусь. У меня голова огненного цвета, ей мороз не страшен. Знаете, как про рыжих говорят? Рыжий-пламенный, сожжет дом каменный. Температура.

На них уже начали поглядывать прохожие, а друзья Жабина, выстроившись в шеренгу, поджидали их и перешептывались. Оле было неловко и вместе с тем приятно. С мальчишками ей приходилось и ссориться и драться, иной раз они грубо задевали ее на улице... Приходилось ей и дружить с ребятами, но такого внимания со стороны мальчика, какое сейчас, при всех, проявил к ней Жабин, Оле еще никогда не приходилось видеть...

В фойе было немного народу, по все стулья оказались занятыми. Жабин сунулся было туда-сюда — ничего не выходило. И вдруг он увидел знакомого парнишку, сидевшего в дальнем углу, почти у самого буфета.

— Оленька, вы ничего особенного не будете иметь, если я отлучусь ровным счетом на полминутки? Подойду вон к тому задумчивому юноше.

— Пожалуйста, я вот тут постою.

— Ну, и знаменито!

Жабин подошел к приятелю.

— Ты можешь выручить друга? — спросил он, опустив руку на плечо собеседника.

— А в чем дело? Наверно, придумал что-нибудь?

— Клянусь совестью, ничего не придумывал. Уступи стул. За мной не пропадет: я тебе могу у сестры выпросить пропуск в кино. Ручаюсь!

— Не торгуйся — не купишь.

— Так не мне ж стул! Я могу весь вечер на одной пятке простоять... Девчонка со мной — вон, видишь? Беленькая.

— Значит, хочешь покультурнее? Ну-ну, давай.

На освободившийся стул Жабин положил фуражку и помчался к Оле:

— Оленька, я стул вам отвоевал. Пошли!

Оля села.

— Пить не хочется?

— Нет, — ответила Оля.

— Морсу?

— Все равно. Я правду говорю — не хочу пить.

— Тут морс потрясающий. Может, хлебнете глоточек?

Просто так, для удовольствия. Оленька, ну я прошу вас!

Хотя Оля наотрез отказывалась, Жабин сбегал в буфет и принес стакан розовой мутноватой жидкости:

— Берите, пейте!

Оля продолжала отказываться.

— А вы знаете, что я могу сделать с этим морсом, если не станете пить? Возьму и при всех вылью его себе на голову. Не верите?

Хотя Жабин говорил очень убедительно, Оля не поверила, но не стала возражать ему.

Она молча взяла стакан и с неохотой выпила.

Она все больше и больше убеждалась, что Жабин хороший парень, куда лучше многих из знакомых ей ребят. Нет, видимо, Селезнев ошибается, он не знает, какой славный на самом деле этот рыжий мальчишка из Одессы.

У Жабина был пропуск в ложу дирекции. Оля села в кресло у стенки, а Жабин справа от нее. Ей никогда еще не приходилось сидеть на таких хороших местах, и она даже ощущала какое-то превосходство над теми, кто сидел в партере.

Свет погас. На вспыхнувшем экране начался кино-журнал. Оля любила кино и обычно так увлекалась фильмом, что забывала об окружающем и словно сама становилась участницей событий, о которых рассказывал экран. Так было с ней и теперь. Она перенеслась из города Чкалова в лесной партизанский лагерь и вместе с героями фильма готовилась к ночному налету на фашистский штаб, расположенный в белорусской деревне.

Оля сидела, положив руки на поручни кресла. Вдруг она почувствовала, что к ее руке прикоснулись чьи-то неприятно теплые пальцы. Она отодвинула руку. Немного погодя чужие пальцы снова прикоснулись к ней. Восприняв это как простую случайность, она не придавала ей значения и убрала руку на колени. Но чужие пальцы нашли ее руку и здесь...

Оля оторвалась от экрана, повернулась к Жабину и увидела — его рука... Интерес к фильму исчез. Оля почувствовала, как запылали щеки. Ей стало стыдно, захотелось закрыть лицо руками и скорее бежать отсюда... А Жабин показался ей самым противным существом в мире. Стыдливая растерянность и нерешительность длились всего несколько мгновений. Оля отшвырнула его руку и встала.

— Балда рыжая! — полусшепотом сказала она и быстро вышла из ложи.

Всхлипывая и вытирая варежкой непрошеные слезы, Оля почти бежала по улице. На углу следующего квартала ее догнал Жабин.

— Оленька, вы же совсем невозможная девчонка! И что из того плохого, когда я хотел погладить вашу руку?

— Отстань, рыжая балда, и не подходи близко! Вот утром скажу Мазая — он тебя научит, как кавалерничать!

— Оленька, так я, если вы хотите, совсем же ничего... Вы послушайте...

Но Оля как па него посмотрела, что он понял: разговаривать дальше бесполезно. Жабий потоптался на месте и, только когда Оля скрылась за углом, пошел в общежитие.

«БАНКЕТ»

Друзья с нетерпением ждали возвращения Мазая и, как только он появился, засыпали его вопросами — всем хотелось узнать, зачем же вызывал Ваську мастер. Мазан долго отнекивался, давая понять ребятам, что им необязательно знать о всех разговорах старосты с руководящими работниками училища. Но в конце концов он сделал вид, что уступает просьбам приятелей, и не спеша начал рассказывать о своей беседе с Селезневым.

— Вот из-за него, из-за Баклана, все началось. Влетел со своим ключом, а теперь и нам гонку будут устраивать. Коля, и ты, Сережка, — сегодня же сдайте свои ключи швейцару...

— А разве Бакланов сказал, что у всех есть? — прервал его Сережка.

— Не Бакланов, я сказал.

— Ты?! — удивился Сережка. — Здорово! Подсыпал же ты нам!

— Сказал потому, что так надо было! — грубо оборвал его Мазай и тут же переменял тон на тихий и задушевный. — Мастер просить начал. Тебе ясно? А Селезнев не такой человек, чтоб ему не уважить. Верно я рассуждаю, Коля?

— Конечно, верно. Селезнев, он, брат, знаешь...

Коля так и не сказал, что именно он думал о мастере, но, чтобы придать своим словам вес, поднял над головой кулаки и внушительно потряс ими.

— Вот и я так подумал. — Мазай сделал небольшую паузу и продолжал: — Пришел я в

преподавательскую, а он там один. Посидели, потолковали о разных делах, потом он и говорит: товарищ Мазай, говорит, у меня к вам просьба — прикажите своим ребятам сдать швейцару ключи, а то, говорит, из-за этого мне неприятность может быть от директора. А я ему и отвечаю: если надо так сделать, то сделаем — мои ребята, говорю, Дмитрий Гордеевич, ни за что вас не подведут, а если кто будет в другую сторону тянуть, то я ему живо легкое обтирание устрою. А вообще, говорю, вы же не хуже меня знаете, товарищ мастер, какая у нас группа; дисциплина у нас, говорю, — нигде такой нету; можно сказать, на все училище мы одни. И если, говорю, я прикажу ребятам, просто скажу одно слово — всё выполнят. И вы, Дмитрий Гордеевич, будьте спокойны, никакой вам неприятности не будет. Сказал я так и протянул ему свой ключ: вот, говорю, Дмитрий Гордеевич, с меня начало. Берите. А остальные ключи будут у швейцара вечером. А он и говорит мне: верный ты человек, Мазай, у тебя слово — олово. Потому и ребята тебя здорово слушаются. Ты человек, а не бюрократ. Спасибо, говорит, брат, что выручил. Пожал он мне руку, и я уже двинулся было в обратное плавание. Но Селезнев задержал. И рассказал новость. Она пока секретная. Но от вас-то скрывать не буду, только смотрите — никому. Ясно?

Когда ребята в один голос заверили, что сохранят секрет и никому даже полусловом не обмолвятся, Мазай таинственно сообщил:

— К нам несколько формовщиков переводят из Сергеевки. Из ремесленного. Вот какая новость!

Мазая засыпали вопросами:

— Васька, а почему их переводят в Чкалов? Не сказал Селезнев?

— А из каких классов переводят, не говорил?

— В нашу группу тоже пришлют?

— Только формовщиков переводят?

Васька замахал на них руками:

— Тише! Нас все это и не касается, не наше дело. А насчет того, из какого класса, скажу: из второго. Одного парня даже в мою комнату собираются поместить. Я как узнал об этом, начал буруна бить, ну а Дмитрию Гордеевич уговорил: девать, мол, ребят некуда. Я и согласился. Пускай, говорю, живет. Мастер просил, чтоб я покрепче в руках держал тех, кто в нашу группу попадет. Может, дни хулиганы или лодыри? Все может быть. Пришлось тоже согласиться. И вот я предупреждаю: в случае чего, вы, ребята, помогайте, а то и верно, еще не знаем, каких типов подбросят.

После консультации, по дороге в столовую, продолжали обсуждать новость Мазая. В этом разговоре не принимал участия только Бакланов. Его мучительно преследовала мысль, как поступить с посылкой, чтобы в комнате о ней не узнали.

В общежитие возвратились затемно. Вечером кладовка не работала, и Егор решил, как только в комнате все заснут, унести посылку на хранение до завтра к коменданту. Но дело обернулось совсем по-другому.

Едва ребята вошли в комнату и зажгли свет, Мазай остановился посередине и, раздувая ноздри, начал быстро втягивать воздух, к чему-то принюхиваясь.

— Сережа, ты улавливаешь?. В комнате новый запах появился!

Ближайший друг, правая рука Мазая во всех его начинаниях, — Сережа Рудаков молча повел носом:

— Есть.

— А что? — спросил Мазай. — Чем пахнет?

— Не пойму.

— Ты повнимательнее нюхни. Не торопись.

Сергей всей грудью вдохнул воздух.

— Чесноком пахнет, правда? — спросил Мазай.

— Точно! Чесноком

— А! Как хорошо пахнет! А ты, Егор, слышишь?

Бакланов засуетился:

— Я? Нет, не слышу, У меня насморк. Нос начисто заложило, совсем ничего не чувствует.

— А ты, Колька? — обратился Сережа к четвертому жильцу комнаты, долговязому и застенчивому Коле Епифанову.

— Я? Насчет запаха?

— Правда, чесноком пахнет? — спросил Мазай. — Или, может, нам всем кажется? Как ты соображаешь?

У Коли было плохое обоняние. Никакого особого запаха он не ощутил, но Мазай утверждал, что запах есть, и Коле показалось, будто в комнате действительно пахнет чесноком.

— Да, попахивает, — подтвердил он.

Васька был властителем его дум. Что бы Мазай ни сделал, что бы он ни сказал, Коля все принимал безоговорочно и считал, что только так, а не иначе можно сделать и сказать. Как человек слабохарактерный, он был в полном подчинении у Мазая. Всегда и во всем с ним соглашался и старался ему услужить. Но подхалимом Коля не был. Ему Мазай просто нравился, и он старался делать для него все, что мог, находя в этом даже удовольствие. Мазая Коля верил беспредельно, и если бы Васька сказал сейчас, что в комнате пахнет не чесноком, а дынями или, скажем, сиренью, он мог поклясться, что так оно и есть.

— Не пойму, откуда чесноком несет? — продолжал рассуждать Мазай. — Как думаешь, Сережка?

— И я никак не соображу. А вот чувствую — пахнет.

— И ничего не пахнет, — возразил Бакланов. — Просто воздух сегодня в комнате тяжелый, и все. А может, накурено у нас? Были же здесь и директор и комендант — всё курящие...

— Людей не смеди! Станут они тебе курить в общежитии! Придумал! А насчет дыма — ты Коле это пой, он может поверить, а Мазая, брат, не проведешь. Я чеснок за километр чую, никогда ошибки не получалось. — Мазай вздохнул, зажмурил глаза и сладостно произнес: — Эх, братцы, и люблю же я чеснок! Верите, мог бы с чаем пить вместо сахара.

— Тоже сказанул! — рассмеялся Сережа. — Сахар сладкий... одним словом, сахар, а чеснок что?

— Кому что нравится, — вмешался Коля. — Тебе, может, сахар нравится, потому что он сладкий, а вот Ваське — чеснок, потому что, наоборот, горький.

Мазай неожиданно повернулся к Егору:

— Баклан, давай менять: я тебе сахару, а ты мне чесноку. Идет? Или не хочешь? Давай! Ты же сластёна, сладенькое любишь.

Егор почувствовал, как тело его немеет и становится легким, почти невесомым.

— Скажет такое, чудак человек! Где же я возьму чеснок? — возразил он, стараясь говорить как можно решительней. — У меня никакого чеснока нету. А если бы был, я и так, без всякого сахару, дал бы. Жалко, что ли?

— Значит, нет у тебя?

— Нету.

— А не врешь?

— Чего мне врать? Была бы нужда...

— А ну, дыхни.

— Сколько угодно.

Бакланов шагнул к Мазая и, широко разинув рот, дыхнул. На лице Мазая появилось разочарование.

— Еще подбавить? — спросил Егор. — Или хватит?

— Хватит. Чуть-чуть отдает. Значит, ты ел не чеснок... Знаете, ребята, чем Баклан сегодня питался? Колбасой с чесноком. Вот честное слово!.. Угадал я, Бакланчик? Да ты говори, не бойся. Никто у тебя изо рта не отнимет. Ел — значит, ел. Вот только непонятно, когда ты успел. Чего молчишь? Ел колбасу?

Бакланов растерялся, хотел сказать, что он и близко не видел колбасы, но вместо возражения молча кивнул головой.

— Смотрите, а я и не думал! — удивился Коля.

— Сережа, — сказал Мазай, — а ну-ка, загляни под койку Баклана — что-то больно низко одеяло приспущено. Меня подозрение берет. Может, там Баклан склад устроил? От него можно ждать, он хитрющий!

Егор ринулся к своей койке, но не успел сделать и двух шагов, как Сережа уже тащил из-под кровати ящик с посылкой и кричал:

— Есть! Тяну сома за хвост! — Он торжественно перенес ящик на стол. — Вот он! Краса и гордость.

Мазай кинул короткий взгляд на ящик, отвернулся и безразличным тоном спросил:

— Посылку из дому получил, Бакланчик?

— Ага.

— Когда?

— Сегодня.

— Сам ходил на почту или принесли?

— Сам.

— А-а-а... Значит, мы — на лекцию, а ты на почту взял курс. Понятно. Ловкач! И не подумаешь. Ну что ж, кушай, Бакланчик, поправляйся. Ты у нас худой, как щепочка. Набирайся сил.

Голос у Васьки стал мягким да ласковым, а в прищуренных глазах — злые искры.

За два года товарищи хорошо изучили его и знали, что сейчас он очень зол и еле сдерживается, чтобы не задать Егору потасовку.

— Сережа, убери со стола под кровать, поставь на старое место этот ящик, чтоб он перед глазами не маячил, а то не выдержу — утильсырье от него останется, — таким же мягким тоном приказал Мазай.

Сергей взялся за ящик, но Мазай остановил его:

— погоди, пускай сам Баклан убирает. Хоть поглядим, как он понесет: будут дрожать руки или нет. Уж наверное подсчитал, на сколько дней ему хватит подкармливаться домашними гоголями-моголями.

Мазай не смог больше сдерживать себя. Он вдруг топнул ногой и крикнул:

— Ну, чего ждешь?! Убирай свое барахло! Или десять раз говорить?

Бакланов стоял, понурив голову, и не двигался с места.

— Или не тебе говорят?! — снова крикнул Мазай. — Ну?!

— Я... хотел... и вам всем, чтоб попробовали...

— Врешь! — прервал его Мазай.

— Конечно, врет, — вставил Сергей.

— Если бы хотел и нас угостить, давно сказал бы, что посылку получил, а то скрываешь, отнекиваешься. Ничего ты не хотел! — вскипел Мазай.

— Конечно, не хотел. Это ты сейчас говоришь, когда деваться некуда. А Васька тебя спрашивал? Спрашивал. И не притворяйся лучше — никто не поверит, — подхватил Коля.

— Правильно, Коля, — согласился Мазай.

— И ничего не правильно, — ни на кого не глядя, возразил Бакланов.

— А то мы не видим, чем ты дышишь! Слыхали, ребята: он хотел нам, словно побирушкам, по кусочку протянуть! Рука у меня отсохнет, а милостыни не возьму! Хотя в столовой не больно всякие пельмени стряпают, а жить можно. Марципанов не едим, но голодными не сидим.

— Как ты сказал, Васька? Чего мы не едим? — переспросил Коля, услышав незнакомое слово.

— Марципанов, говорю.

— Мар-ци-панов? Это еда такая?

— Понятно, еда.

— А какая она? Из чего?

— Черт ее знает какая. Ел я их, что ли? Может, ягода такая, а может, пирожки с какой-нибудь особой начинкой. Ты отстань, Колька, со своими марципанами, а то и тебе попадет... заодно с Бакланом. — Обернувшись к Егору, Мазай снова прикрикнул — Ты чего стоишь?! Убирай со стола ящик, а не то на пол загремит! Слышишь? Или не тебе сказано?

Егор стоял на прежнем месте, упорно глядя на узелок шнурка на правом ботинке. Хорошее от получения посылки настроение бесследно исчезло, и пришла тревога. По тону и поведению Мазая он знал, что впереди предстоит много неприятностей. Конечно, скрыв от товарищей посылку, он, может быть, поступил нехорошо, но исправить это уже нельзя.

— Сколько раз тебе будут говорить?! Ну! Убирай со стола или...

Бакланов нехотя подошел к столу, но раздался новый окрик:

— А ты, небось, и рад поскорее унести? Вишь, прикинулся казанской сиротой! Поставь на стол и выкладывай все, что там есть.

Лицо Егора посветлело, и он даже облегченно вздохнул. Этот окрик Мазая означал, что скандала, который мог разыграться, не будет.

— Вот сдобнушки... а это мед... Вот колбаса, — приговаривал Егор, выкладывая на стол содержимое ящика.

А Мазай молча стоял поодаль. Он по-матросски широко расставил ноги, засунул руки в карманы и наблюдал.

— Вот и все. — Егор перевернул ящик вверх дном.

— Посылка небольшая, а стоящая. Правда, Васька? — спросил Коля.

Мазай даже и не взглянул на Колю. Он подошел к столу, внимательно осмотрел продукты и задумался, что-то соображая.

— Вы знаете, что я придумал? — заговорил он наконец. — Давайте устроим сегодня банкет. Еды нам хватит нот так! — Он провел ладонью под подбородком. — Я думаю, что можно кое-кого даже в гости позвать. Ольгу Писаренко и других девчонок не нужно — вечер ведь, просто неловко. А ребят можно — трех-четырёх, не больше. Как, братва, вы думаете?

Коля захлопал в ладоши и закричал:

— Здорово, Васька! Вот это здорово! Давайте и вправду банкет устроим. Как прошлый раз. А чего нам?

— Надо проголосовать. А ну, давайте: кто за банкет? — скомандовал Мазай и первый поднял руку.

Сергей и Коля тоже были «за». Бакланов не принял участия в голосовании.

— А ты разве против? — спросил Мазай Бакланова.

— Нет, не против. — Егор нехотя поднял руку.

— Значит, единогласно. Ты, Сережа, забирай Колючи бегите наверх гостей приглашать: нужно позвать... Ваньку Чмыхова из слесарного, Шурку Тумасова и, пожалуй, Бориса Соболя. Больше никого! А мы с Бакланчиком оборудованием стола займемся — одному ему нельзя поручать это: еще расплатится над домашним харчем, а мы ведь людей в гости зовем. Придут — а здесь слезы рекой текут! Вот и веселись тогда в свое удовольствие. Ну, ступайте, да ненадолго.

— Все понятно, товарищ староста. Пошли, Колька!

Сережа обнял за шею длинного Колю и потащил его к двери.

— Эй, вы! Погодите! — вдруг окликнул их Мазай. — Про банкет чтоб ни один лишний человек не знал. Как и в прошлый раз, чтобы никаких разговоров!

Сережа шаркнул ногой и низко поклонился:

— Ах, спасибо вам, дорогой товарищ Мазай, за ваше предупреждение, а то мы с Колей такие дураки твердолобые, что сами ни до чего не додумаемся!

Когда Сергей и Коля ушли, Мазай достал складной нож и начал резать сало. Бакланов стоял рядом и молча наблюдал.

— Стоп! — воскликнул Мазай. — Хлеба-то у нас нет. Ты с чем ел сегодня колбасу?

— С кокуркой.

— Они разве не сладкие?

— Почему не сладкие? Сладкие. На меду.

— И ты с медовыми пряниками колбасу ел? Чудак! Чесноковая колбаса — и медовые кокурки! Тут же тебе никакого удовольствия нет. Весь вкус теряется. Нет, есть колбасу с кокурками я не согласен. Как хочешь, а без хлеба нам невозможно обойтись.

— А где его взять? У меня нет, я свою норму в столовой съедаю, и еще не хватает.

— Это мы знаем — вон какое брюхо нарастил! У меня остался кусок от ужина. И у Сережки с Колькой тоже по куску. Но этого, конечно, мало — просто чепуха. Да и какой же это будет банкет без хлеба? Одна смехота. И затевать не стоит. Знаешь, что мы сделаем? Выменяем хлеб в других комнатах на кокурки. Верно? Каждый согласится. Бери с десяток сдобнушек и ступай. Только смотри не продешеви.

— Никуда я не пойду! Иди меняй, если тебе хлеб нужен, а мне и с кокуркой неплохо будет.

Мазай был в хорошем настроении и не настаивал. Он набил сдобнушками карманы и торопливо пошел к двери.

— Егор, предупреждаю: продуктов не трогай, не воруй у товарищей. Понятно?

— А я ни у кого никогда не воровал и воровать не буду. Мне чужое совсем без надобности.

Бакланов хотел намекнуть на то, что вот Мазай польстился на чужое — на посылку. Но тот или не понял намека, или не хотел показать, что понял, и молча вышел.

Когда стихли его шаги, Егор выглянул из-за двери и, убедившись, что никто за ним не следит, поспешно вернулся к столу, взял несколько ломтиков сала и колбасы, завернул в бумагу и хотел положить под матрац. Но ему вдруг стало противно, обидно на себя: «И вправду как вор: сам отдал, а потом тяну по кусочку. Берите, все берите, мне ничего не надо». Он развернул бумагу и положил ломтики обратно, стараясь уложить их так, как это было при Мазае.

Вскоре вернулся довольный своим походом Мазай, он принес несколько кусков хлеба. Вслед за ним пришли с гостями Сергей и Коля. «Банкет» начался.

Это был веселый банкет: веселились и гости и хозяева. Много пели под аккомпанемент гитары Мазае, плясали. Правда, чтобы не привлекать внимания, пели вполголоса, а плясали без топота каблучков, но это нисколько не мешало общему хорошему настроению.

В разгар веселья в комнату вошел комендант Гуцин:

— Ребята, что у вас за праздник сегодня? Во всех комнатах тихо, а вы шумите... Да у вас тут целое сборище!

В комнате наступило минутное замешательство.

— А мы вроде и не шумим, товарищ комендант, — первым нашелся Сережка.

— У нас, товарищ комендант, банкет! — невпопад выкрикнул Коля.

— Болтай больше! — остановил его Мазай. — Вот вам стульчик, товарищ комендант, садитесь.

— Спасибо, Мазай, мне сидеть некогда, дела еще есть. Так что же у вас за банкет?

— Никакого банкета, товарищ комендант. Вы не слушайте Кольку, он наговорит. Просто Бакланов получил посылку из дому и угощает нас. Вот и все, — пояснил Мазай.

— А вы небось и рады на чужой счет поживиться!

— Так он же у нас крошки не съест один. Знаете, какой он человек! Все для товарищей! Мы ему говорим: оставь посылку себе. И, представьте, товарищ комендант, даже разговаривать не хочет... Правда, Егор?

Егор, опустив глаза, кивнул головой:

— Правда.

— Ну, смотрите, дело хозяйское. Только не шумите.

— Никакого шума больше не будет, товарищ комендант, — заверил Мазай.

Комендант ушел, и веселье продолжалось.

С виду весел был и Бакланов, но чем дальше, тем тоскливее становилось у него на

душе, тем труднее ему было скрыть это чувство от товарищей и казаться веселым. Он с нетерпением ждал звонка — сигнала ложиться спать.

Наконец и звонок. Гости с шумом и смехом опростелью бросились вон, а хозяйка занялась своими постелями.

— Живо, живо! — поторапливал Мазай. — Колька, ты сегодня дежурный? Гаси свет.

Бакланов долго не спал. Забравшись с головой под одеяло, он то и дело вздыхал, вздыхал тихо, чтобы не услышали товарищи. Им овладела такая тоска, что хотелось кричать во весь голос. Хотелось соскочить с постели и куда-то бежать, лишь бы остаться одному. Ему не жаль было продуктов, но как ему обидно за мать! Он знал, что мать много работает и почти не имеет свободного времени, что посылку эту она, наверно, собирала ночью; может быть, до самого утра так и не прилегла. Она старалась обрадовать его. А эти «друзья» всё съели, и никто даже не заикнулся, что, мол, эта посылка принадлежит Егору Бакланову, что ее прислала мать. Тосковал он и потому, что соскучился по дому, что ему было жаль себя, обидно на товарищей, а особенно на Мазая, который то и дело покрикивал, вышучивал, а при случае пускал в ход и кулаки. Задремал он перед самым рассветом.

Утром Егор проснулся с головной болью и сказал Мазая, что ни в класс, ни в цех не пойдет.

— Выдумывай больше! — прикрикнул Мазай.

— Голова болит.

— А не симулируешь? — спросил Мазай, с подозрением глядя на Егора.

— Была нужда, — нехотя и как-то безразлично ответил Бакланов. — И вчера еще болела.

— Завтрак тебе принести? — пожалел товарища Коля.

— Еще чего выдумали! — напустился на него Мазай. — Так он совсем барином станет. Вы ему обеды да завтраки подтаскивайте, а он будет валяться да толстеть!

— А может, и вправду заболел человек! — вступился Сергей.

— Наше дело формовать, а не больных лечить! — грубо оборвал Мазай. — Ему на пользу поголодать денек...

Бакланов молча повернулся лицом к стенке.

В ЧКАЛОВ!

На станцию Сергеевка поезд должен был прибыть по расписанию в четыре утра, но его задержали снежные заносы, и он опоздал почти на шесть часов. Борис Жутаев ждал поезда с нетерпением, и не потому, что скорее хотелось уехать из маленького городка в областной центр — об этом он сейчас не думал: ему было мучительно холодно и хотелось скорее покинуть нетопленный вокзал. Все места на скамейках были заняты, а пол был каменный и очень холодный. Чтобы не заоченели ноги, нужно было непрерывно приплясывать; приплясывать же несколько часов подряд утомительно.

Но вот станционное радио сообщило о прибытии поезда. Формовщики Сергеевского ремесленного училища, уезжавшие в Чкалов, бросились на перрон. Борис торопливо надел за спину вещевой мешок, схватил небольшой чемодан и выбежал из зала. Он окинул взглядом поезд и сразу же определил, где его вагон. Но сесть в поезд оказалось не так-то легко: вагон был битком набит, даже тамбур был переполнен.

Проводница вагона не стала смотреть билеты и наотрез отказалась пустить в вагон хотя бы одного человека.

— Не имею права! Понимаете, не имею права! — доказывала она обступившим ее пассажирам. — Не только сидеть — стоять в вагоне негде. В тамбуре полно. Кто выдавал билеты, тот пускай и сажает куда знает, пускай сам и везет, а я не могу посадить в вагон ни одного человека.

Она говорила горячо, напористо, и Жутаев понял: не посадит. Он кинулся к другому

вагону; там такой же разговор. У третьего вагона группу учащихся в пять-шесть человек пытался посадить директор училища. Он протягивал проводнице какую-то бумажку со штампом и печатью и требовал:

— Вы прочитайте, прочитайте, я вам говорю! Поэтому документу вы обязаны посадить. Дело государственной важности, и вы не отмахивайтесь...

Проводница бумажку не брала и твердила свое:

— У меня нет места. Понимаете русский язык? Идите в другие вагоны. И не пугайте меня бумажками, я знаю, что делаю. Вы па своем месте хозяин, а я на споем.

Жутаеву стало ясно, что уж если сам директор училища ничего не может добиться, то ребятам и думать нечего попасть на этот поезд. А может, и на другой также. Он обернулся к вокзалу, чтобы взглянуть на часы — сколько осталось до отправления поезда, — и вдруг увидел совсем рядом дверь с табличкой: «Военный комендант станции Сергеевка». Не теряя времени, Жутаев ринулся туда.

— Я вас слушаю, — сказал сидевший за столом лейтенант.

— Я... Мы учащиеся здешнего ремесленного училища. Нас направляют в Чкалов, чтобы там закончили обучение. А проводница высаживает — говорит: некуда. Помогите, пожалуйста. Мы же не путешествуем, мы же находимся на государственной службе. И каждый день дорого стоит. Ведь мы не только учимся, мы и для фронта работаем. А они этого не хотят понять.

— Билет есть?

— Вот, пожалуйста.

Комендант взял билет.

— Пойдем со мной, — коротко бросил он.

На перроне подошли к нужному вагону.

— Посадите этого товарища, — сказал лейтенант проводнице и протянул ей билет.

— Не посажу. Некуда.

— Нет, посадите! Я военный комендант этой станции и прошу посадить. Понятно?

— Понятно, товарищ комендант, — смущенно пробормотала проводница и пропустила Жутаева на подножку.

— Товарищ комендант, может, и других наших устроите?

Комендант улыбнулся:

— Молодец! Хорошо, что не только о себе беспокоишься. Небось комсомолец?

— Да. Комсомолец.

— Всегда так действуй, а поддержка найдется. Пробирайся дальше, в вагон. Я ваших всех посажу. Трудовые резервы — младший брат Советской Армии. Понятно, товарищ проводница?

— Понятно, товарищ комендант.

— Этого никогда забывать не надо, товарищ проводница.

Лейтенант козырнул и заспешил к соседнему вагону..

— Ты не стой здесь, в вагон проталкивайся, — уже подобревшим голосом посоветовала Жутаеву проводница.

Но протолкнуться в вагон Борису не удалось, и всю дорогу он ехал в тамбуре. Здесь было еще холоднее и теснее, чем в вокзале. Вначале Жутаев, разгоряченный посадочной сутолокой и неожиданной удачей, словно избавился от усталости, но вскоре она снова дала себя почувствовать.

Когда поезд двигался и дверь была закрыта, в тамбуре, до отказа набитом пассажирами, становилось заметно теплее. Вагон мерно покачивался, монотонный стук колес убаюкивал, клонило ко сну. Хотелось одного: заполучить крохотное местечко, чтобы можно было хоть как-то сидеть и дремать. Но на остановках проводница открывала дверь, и в тамбуре снова становилось невыносимо холодно. Врывался такой холодный ветер, что обжигал щеки, пронизывал одежду и леденил тело. И Жутаеву стало казаться, что поезд больше стоит, чем идет, что этот тяжелый путь никогда не кончится.

А в Чкалове, наверно, их ждут... В общежитии, конечно, тепло, светло, есть койка и можно будет нырнуть под одеяло, согреться и заснуть...

Но Жутаев думал не только о теплом одеяле. Разные мысли толпились в его голове, сменяли одна другую. Каково-то это новое училище, где придется закончить учебу? Как примет его незнакомый большой город? Ведь после окончания ремесленного, быть может, придется остаться там жить и работать.

Уезжать из Сергеевки Жутаеву не хотелось. За два года он привык к училищу, успел крепко подружиться с ребятами, привязаться к учителям. Там его принимали в комсомол, а когда он перешел во второй класс, избрали комсоргом группы.

Последние несколько дней, когда переезд в Чкалов был решен окончательно, Жутаева не покидала грусть. Вообще не очень разговорчивый, теперь он говорил еще меньше и до последнего часа надеялся, что, может быть, все как-нибудь изменится, наладится и уезжать из Сергеевки не придется. Но ничего не изменилось, все прошло так, как было намечено.

Жутаев знал, что его переводят в третье ремесленное училище, и это отчасти рассеивало его грусть. Он слышал много хорошего об этом училище: что оно почти самое крупное не только в Чкалове, но и в области, что там хорошее оборудование, есть свои мастерские для производственной практики, даже для формовочно-лишенного отделения...

Думал он и о незнакомых людях, с которыми должен был сегодня встретиться. Какие они, эти люди? За время войны Борису пришлось немало исходить и исколесить дорог, побывать в разных краях, во многих городах и селах, повидать разных люден. Встречались хорошие люди, такие, что о них никогда не забудешь... Но немало встречалось и плохих, злых, грубых, готовых ни за что обидеть другого, особенно если тот послабее... Как было бы хорошо, если бы и в третьем училище нашлось побольше таких простых и душевных, какие остались в Сергеевке!

...Стекла в тамбуре были покрыты толстым слоем иея, и, конечно, сквозь них ничего не было видно. Жутаев «продышал» на стекле небольшое пятнышко и то и дело поглядывал в него. Мимо проплывала однообразная забуренная степь. Редко встречалось село, и издали казалось, что избы там утонули в смежных сугробах. Но вот степь кончилась. Замелькали одноэтажные домики, а потом потянулись высокие каменные здания и заводские корпуса. Какой-то крупный город... И вдруг проводница объявила, что поезд подходит к Чкалову. Жутаев даже вздрогнул от неожиданности.

Путь окончен. Борис вышел из вагона и, продираясь сквозь толпу, начал оглядываться по сторонам, отыскивая своих товарищей.

— Жутаев! Борис!

У входа в вокзал Борис увидел возле сергеевских ребят нескольких мужчин в форме трудовых резервов.

«Наверно, нас вышли встречать», — подумал Жутаев и пошел к ним.

Один из встречавших, рослый молодой человек в военной форме, но без погон, с черной повязкой на правом глазу, приложил ко рту обе ладони и зычно, словно в рупор, покрывая привокзальный шум, прокричал:

— Ребята, кто в третье ремесленное училище, ко мне!

Когда вокруг него собрались все девять человек, он сказал:

— Я секретарь комитета комсомола третьего училища. Фамилия моя Батулин. Директор поручил мне встретить вас и доставить на место. Там вы сходите в душевую, пообедаете, получите место в общежитии, и, как говорится, на сегодня хватит. «Будьте здоровы, живите богато», — шутливо добавил он. — Отдохните с дороги. А оформляться в училище будем завтра. Вопросы ко мне есть?

Ребята промолчали.

— Значит, на сегодня все ясно?

— Конечно, ясно, — сказал кто-то.

— Ну хорошо. Можно двигаться. Вот здесь, за углом вокзала, стоит наша подвода. Директор специально для вас прислал. Складывайте вещи, чтоб на себе не тащить, и пойдём.

Дорогой Батурин спросил:

— А кто из вас Борис Жутаев?

— Я.

Батурин внимательно взглянул на него:

— Ты вот что, Жутаев. После обеда, прямо из столовой, зайди в комитет комсомола.

Нужно поговорить.

— Хорошо. Зайду.

— Значит, сначала ко мне, а потом — в общежитие. Спать не собираешься с дороги?

— Нет. Если днем спать, ночью нечего будет делать.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

После обеда Жутаев пошел в комитет комсомола. Батурин его ждал.

— Ну как, пообедал?

— Пообедал.

— Бери стул и садись. Вот о чем я хочу с тобой потолковать... В Сергеевке ты был комсоргом группы. Так?

— Так.

— Документы у тебя хорошие, а характеристика — просто блестящая. С директором училища мы насчет тебя советовались. Решили послать в восьмую группу формовщиков. Есть у пас такая. Говоря откровенно, очень интересная группа. Хорошая, но и плохого в ней хоть отбавляй. Ребята там подобрались один к одному: ко всей группе нет ни единой двойки. А ведь стопроцентную успеваемость не в каждой группе найдешь. Производственное обучение идет на «отлично». Фронтные задания выполняются прекрасно. Большинство ребят перевыполняют нормы, а несколько человек дают даже рекордную выработку. Как ты считаешь все это? Хороша группа?

Жутаев неопределенно пожал плечами.

— Ведь хороша! Правда? — переспросил Батурин.

— Ясно, хороша.

— Вот я и говорю — хорошая группа. А, скажем, отличников в ней ни одного. Тройки, четверки... Есть, правда, и пятерки, но не очень густо. Значит, знания не очень глубоки. Воспитанники этой группы называют себя «мазаевцами».

— Мазаявцами? Это что же, в честь известного металлурга Мазая?

— Нет, — рассмеялся Батурин. — В честь старосты восьмой группы, фамилия его тоже Мазай. Да ты сегодня увидишь его. Он — грубый, заносчивый, невыдержанный, с большим самомнением. Вообще Мазай чувствует себя в группе вроде вожака с неограниченной властью. Он нравится ребятам. Многие побаиваются его, ищут его дружбы. Ребята не выдают его, но ходят слухи, что он при случае пускает в ход и кулаки. Вот так. С одной стороны, эта группа как будто и хорошая, а копнешь глубже — не то. Уж очень много у них недостатков. Да и не только недостатков — много такого, с чем мы боремся и будем бороться. Короче говоря, у ребят группы, и в первую очередь у Мазая, много грубого, уличного, эдакого лихачества, ухарства, то есть всего того, что должно быть чуждо молодому советскому рабочему. Но самое неприятное знаешь в чем? У Мазая уже появились подражатели в других группах... Ты, конечно, устал, а я распространяюсь. Но без этого, брат, тоже нельзя. Тут можно говорить очень много, но я прекращаю.

— Нет, почему? Говорите.

— Как-нибудь в другой раз. Так вот. В восьмую группу директор направил тебя и еще двоих ваших ребят. Но ты попал в первую подгруппу, где и Мазай, а они — во вторую. Как, не возражаешь?

Жутаев подумал.

— Конечно, лучше бы всех троих вместе. Их все-таки двое, а я в подгруппе буду один.

— Ничего, брат, не поделаешь. Подгруппа Мазая и без того укомплектована. Ну, а жить ты будешь в одной комнате с Мазаем. На первый раз я тебе охарактеризовал его достаточно, а дальше — сам приглядишься. Посылаем мы тебя в эту группу как комсомольца-активиста для усиления комсомольского влияния.

— А комсомольская организация в группе есть?

— Еще нет.

— И комсомольцев нет?

— Недавно двоих приняли, но они пока еще очень слабоваты, и, по правде говоря, не они влияют на Мазая и его друзей, а он на них. В общем, тебе задача ясна?

— Задача-то ясна...

— Ну, а что?

— Да так...

— А ты говори, говори без стеснения.

— Не справлюсь я... Да и не знаю, как все это делать, за что браться. Они меня просто слушать не будут. Откуда, скажут, пришел, туда и ступай. Вот если бы в Сергеевне — там другое дело. Все — знакомые, каждого знаешь.

— Комитет комсомола поможет. Заходи ко мне почаще, советуйся. По любому вопросу приходи, как домой. Чтоб никакой неясности не было. Потом вот еще что учти: ведь ничего особенного в группе тебе делать не придется — ни докладов, ни бесед, ни выступлений. Главное, что от тебя требуется, — это сознательное поведение, образцовое поведение везде, во всем, даже в самых незначительных мелочах. Это основное, чего мы от тебя хотим. И еще — не стой в стороне от коллектива, постарайся подружиться с ребятами Нравоучений им не читай и не ссорься. Главное — личный пример. Но и не выпячивай себя — смотрите, мол, какой я хороший. Просто держись поскромнее. По поводу общежития — не скрою: Мазай может пытаться выжить тебя из комнаты, это почти наверняка. Только ты не сдавайся. Вот пока и все. Что вздыхаешь?

— Я не вздыхаю.

— Наверно, Сергеевку вспомнил?

Жутаев кивнул головой:

— Сергеевку. У нас дружная группа была, товарищ секретарь. Почти никогда не ссорились.

— Ничего, и здесь все наладится. Сегодня незнакомые, а завтра уже друзья.

— Это конечно...

За окнами темнело. Наступал вечер. Сгустились сумерки и в кохмнате. Батурин включил свет.

— Эх, как быстро дни летят! Не успеешь оглянуться — вечер настал. Ну пойдем, Жутаев, познакомишься с комендантом. Он покажет комнату и поможет тебе обжить новое место.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

— Вот здесь я живу, — указал Гушин, проходя мимо своей двери. — А вот — двадцать третья комната, где ты будешь жить. Рядом с моей. На самом бойком месте. Вон напротив дверь в наш клуб, раздевалка отсюда неподалеку. Главное, уж очень теплая комната. Правда, и небольшой изъян есть: клуб рядом, оттуда шумок иногда доходит, особенно если там вечер, но это бывает не часто, во всяком случае не каждый день.

Дверь оказалась незапертой, он открыл ее и жестом пригласил Жутаева войти. Борис окинул взглядом свое новое жилище. Комната была небольшая, в два окна. Вдоль стен стояли четыре койки. У изголовий — по тумбочке, среди комнаты — стол и вокруг него несколько стульев. На койке справа в одежде лежал воспитанник. Увидев коменданта, он сел.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете прочитать в
ГБУК «Оренбургская областная
полиэтническая детская библиотека»
по адресу: ул.Терешковой 25;
тел. для справок: (3532) 77-51-01